

**САНКЦИИ И КОНТРСАНКЦИИ: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТРУМЕНТОВ
ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ****Александр Николаевич ЛЯКИН^{а*}, Михаил Иосифович РОГОВ^б**

^а доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и экономической политики, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация
a.lyakin@spbu.ru

^б аспирант Высшей школы менеджмента, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация
mikhail.i.rogov@gmail.com

* Ответственный автор

История статьи:

Получена 26.06.2017
Получена в доработанном
виде 19.07.2017
Одобрена 11.08.2017
Доступна онлайн 29.08.2017

УДК

332.025.16+339.5.012.435
JEL: E61, E65, F51, F52, F62

Аннотация

Предмет. Дискриминационные меры, принятые странами Запада по отношению к Российской Федерации, и предпринятые ею ответные меры в статье рассматриваются как протекционистские действия, направленные на достижение экономических целей инициаторов ограничений.

Цели. Уточнение принятой терминологии, попытка продемонстрировать, что санкции могут налагаться только наднациональной организацией, имеющей соответствующие полномочия по отношению к ее членам. Анализ выгод и потерь от принимаемых дискриминационных мер.

Методология. Эмбарго и финансовые ограничения, введенные рядом государств по отношению к России, равно как и объявленный ею бойкот рассматриваются как крайние формы конкурентной борьбы между национальными экономиками, направленные, с одной стороны, на поддержание сложившихся геополитических условий, а с другой стороны, на получение выгод от односторонних ограничений. В статье предлагается оценивать эффективность мер, ограничивающих движения товаров и капитала через сопоставление выгод и убытков от применяемых ограничений для национальной экономики, а не через расчет ущерба для контрагентов. Для проведения анализа использовались методы логического и статистического анализа, включая графическую визуализацию.

Результаты. Анализ результатов введенных Россией протекционистских мер по ограничению конкуренции в сельском хозяйстве показал, что в секторах с коротким сроком окупаемости происходил быстрый рост внутреннего производства и вытеснение импорта. В секторах, требующих больших капиталовложений, произошло изменение географии поставок.

Выводы. В краткосрочном периоде бойкот оказывается эффективнее эмбарго, поскольку позволяет обеспечить рост отраслей, защищенных протекционистским барьером, а эмбарго удастся обойти за счет многообразия торговых связей в глобальной экономике. В долгосрочном периоде бойкот будет вести к утрате эффективности снижения конкурентоспособности защищаемых секторов. Эмбарго в долгосрочном периоде сдерживает экономический рост, препятствуя эффективному развитию отраслей, на ограничение которых оно направлено.

Ключевые слова: эмбарго, бойкот, протекционизм, российская экономика, эффективность санкций

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2017

Для цитирования: Лякин А.Н., Рогов М.И. Санкции и контрсанкции: использование политических инструментов для реализации экономических целей // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2017. – Т. 13, № 8. – С. 1396 – 1414.
<https://doi.org/10.24891/ni.13.8.1396>

Введение

Дискриминационные меры, введенные группой развитых стран к российской экономике, равно как и ответные меры, принятые к ним со стороны

России, длятся уже три года и, очевидно, в ближайшее время отменены не будут. Общепринятая используемая терминология неточно характеризует содержание дискриминационных мер, поскольку санкции,

как определенные формы наказания, могут вводиться только высшестоящими органами, тогда как накладываемые взаимные ограничения являются определенными формами межстрановой конкуренции.

Попытки оценить потери сторон от дискриминационных мер предпринимались неоднократно, при этом потери не сопоставляются с выгодами. В то же время уже сами сферы применения этих мер показывают, что их введение преследует цель не столько потери контрагента, сколько выгоды для их инициаторов. Протекционистская защита внутреннего продовольственного рынка от наиболее конкурентоспособных поставщиков направлена не столько на нанесение ущерба экономикам стран-контрагентов, сколько на получение выгод за счет расширения национального производства. Равным образом эмбарго на поставки определенных технологий и ограничения доступа для крупнейших российских корпораций к финансовому рынку ослабляют позиции наиболее конкурентоспособных секторов российской экономики и ограничивают потенциал роста в целом. При всей специфичности причин, вызвавших установления дискриминационных мер для российской экономики, протекающие события находятся в русле общей тенденции к усилению протекционистских мер со стороны развитых стран в противовес либерализации, лежащей в основе формирования глобальной экономики. Целью настоящей статьи является оценка полученных и потенциальных выгод для инициаторов от эмбарго и бойкота в краткосрочном и долгосрочном периоде.

Санкции, эмбарго, бойкот, финансовые ограничения

В XX в. международные экономические санкции стали элементом международного права: появились наднациональные организации, уполномоченные вводить санкции от имени международного сообщества (например, ООН), защищая принципы международного права. Различные стороны толковали эти принципы по-своему, что привело

к политизации санкций (достаточно вспомнить два противоречащих друг другу принципа, зафиксированных Уставом ООН: о территориальной целостности государств и самоопределении наций). Всего в XX в. санкции применялись 174 раза [1]; это свидетельствует о том, что они становятся основным элементом политического, экономического и социального давления на страну – нарушителя международных норм или проводящую политику, противоречащую интересам «великих держав». Для России данная тема стала особенно актуальной после введения дискриминационных экономических мер в отношении нее в 2014 г.

Понятие «санкции», как и более узкое понятие «международные экономические санкции», является заимствованным из области права и не имеет общепризнанного определения.

Одним из спорных моментов является вопрос о субъекте международных санкций – кто их вводит: государство или международная организация? Существуют как минимум две точки зрения: одни исследователи понимают под санкциями любые агрессивные меры невоенного воздействия на страну, которые могут применять как отдельные государства, так и международные организации¹ [1–5]; другие же понимают санкции в более узком смысле – как ограничительные действия, применяемые наднациональной организацией по отношению к ее членам, а действия одного государства по отношению к другому обозначают как контрмеры (*countermeasures*)² [6–10]. В частности, второй точки зрения придерживается комиссия по международному праву ООН (*International Law Commission UN*): согласно годовому отчету комиссии за 1991 г.³,

¹ Han B. A Theory of Economic Sanctions. KIEP Working Paper 12-03. Seoul, 2012. 46 p.

² Калинин А.В. Экономические санкции ООН и односторонние экстратерриториальные меры экономического принуждения: сравнительный анализ // Юрист-международник. 2005. № 4. С. 30–37.

³ Yearbook of the International Law Commission, 1991. Report of the Commission to the General Assembly on the work of its forty-third session. United Nations. New York and Geneva, 1994.

международные санкции ограничиваются принудительными мерами, принимаемыми международными организациями, представляющими международное сообщество и имеющими полномочия на применение данных мер – в первую очередь, такой организацией является сама ООН.

Односторонние меры принуждения, следовательно, не обладают легитимностью и необоснованно именуется санкциями – принцип суверенного равенства государств исключает возможность правомерного применения одним государством санкций в отношении другого государства или группы государств в одностороннем порядке (*par in parem non habet imperium*), и поэтому к таким индивидуальным действиям применяется термин «контрмеры».

Таким образом, контрмеры характеризуют ситуацию, когда субъект международного права реагирует на предшествующее нарушение его прав и самостоятельно принимает меры в целях их защиты и реализации, следовательно, указанное понятие является более узким, чем понятие санкций [10]. Иначе говоря, одной из целей контрмер является самостоятельная защита своих нарушенных прав, в то время как основной целью санкций – поддержание правопорядка на глобальном уровне. Отсюда делается следующий вывод: санкции ООН могут включать экономическую дискриминацию в целях достижения верховенства права, они вводятся и осуществляются исключительно на основе консенсуса членов Совета Безопасности ООН в ответ на международное правонарушение, совершенное конкретным государством (например, запрет ввоза ряда товаров в Ирак до тех пор, пока не будут выведены иракские войска из Кувейта, выплачены репарации и уничтожено оружие массового поражения). Контрмеры – напротив, понятие, в основе которого лежит частный экономический интерес государства, их вводящего, и одной из их ключевых целей

является нанесение наибольшего вреда экономике, в отношении которой они вводятся, и получение наибольшего выигрыша для экономики страны, их вводящей. Так, например, запрет США любых экономических отношений с Кубой был направлен на достижение долгосрочных геополитических выгод, показывая странам региона цену пренебрежения американскими интересами.

Несмотря на то что данные явления имеют принципиально разную природу (санкции – юридическое понятие, контрмеры – понятие, в основе которого лежит экономический интерес), они выражаются в одинаковой форме. Как правило, это торговые ограничения (эмбарго – отказ продавать определенные товары; бойкот – отказ покупать определенные товары; экономическая блокада – прекращение любых торговых отношений), финансовые ограничения (например, запрет на заимствования за границей) и заморозка активов. Заметим, что данная классификация относится только к экономическим санкциям и контрмерам; кроме экономических существуют также культурные, научные, спортивные, дипломатические и некоторые другие виды дискриминационных мер, которые влекут косвенные экономические издержки в будущем.

Поскольку санкции и контрмеры как специфический вид внешнего воздействия на страну в последнее время стали использоваться в качестве альтернативы военным действиям все чаще, сложились определенные подходы к анализу эффективности данных инструментов. Выделим три основных подхода: эконометрический анализ панельных данных [1, 4], теоретико-игровое моделирование (как правило, в случае триадических санкций⁴),

⁴ Триадические санкции предполагают, что страна – инициатор санкций накладывает их не только на объект санкций, но и на любую страну, которая продолжает сотрудничество с объектом санкций. Тем самым санкции приобретают коллективный характер. См.: Han B. A Theory of Economic Sanctions. KIER Working Paper 12-03. Seoul, 2012. 46 p.

а также методология кейс-стади [1, 6, 11]. В рамках данных подходов обычно выделяются экономические и политические последствия внешних дискриминационных мер.

Введение секторальных санкций (финансовых ограничений и запрета на поставки ряда технологий в российскую экономику) и ответного бойкота продовольственных товаров из стран, объявивших эмбарго, стало серьезным шоком для российской экономики, изменившим существенные условия хозяйственной деятельности. Оценка последствий этих действий для российской экономики серьезно затруднена тем, что на этот же период приходится резкое падение мировых цен на углеводороды, обусловленная этим глубокая девальвация рубля и масштабный отток капитала из страны.

Падение российской экономики И. Чакаров и Е. Власова⁵ объясняют на 10% санкциями, а на 90% – снижением цен на углеводороды. Соответствующие оценки были получены из статистической модели, оценивающей чувствительность выпуска к снижению цены нефти на 10 долл. США/барр. Сопоставляя расчетное и реальное сокращение ВВП, экономисты Ситибанка оценили воздействие санкций на российскую экономику в 0,4% ВВП. Используя сходную методологию Е. Гурвич и И. Прилепский [12], рассматривали финансовый канал влияния санкций на российскую экономику. Из расчетных моделей были получены значения ввоза-вывоза капитала, которые наблюдались бы при отсутствии санкций. Отклонения фактических значений от расчетных оценивались как эффект финансовых ограничений, что привело к суммарному дополнительному чистому оттоку капитала на уровне 58 млрд долл. США в 2014 г. и 160–170 млрд долл. США – в 2014–2017 гг. Потери существенно возросли за счет косвенных эффектов – снижения притока

прямых инвестиций и снижения возможностей заимствования для компаний, не попавших под санкции. Совокупные потери от финансовых санкций авторы оценили в 2,4% ВВП до 2017 г., хотя они и заметно уступают потерям от падения нефтяных цен, которые составили в среднем 8,5 п.п. суммарного роста за 2014–2017 гг.

К. Бородин рассматривает последствия российского бойкота для продовольственного рынка, цен, объемов внутреннего производства, спроса и импорта сельскохозяйственной продукции за период 2014–2015 гг., сопоставляя прогнозные значения, полученные из модели без санкций, и фактические [13]. Из приведенных расчетов видно, что бюджет теряет доходы за счет сокращения импорта и импортных пошлин, которые не компенсируются ростом внутренних налогов, а спровоцированная бойкотом инфляция снижает доходы домохозяйств. Сходные оценки были получены Р. Нуреевым и П. Петраковым, которые использовали модель AS-AD. Анализ ряда рынков показал, что благосостояние потребителей сократилось вследствие установленных ограничений за счет роста цен и, соответственно, сокращения покупок [14]. Побочные следствия от сокращения прямых иностранных инвестиций стран, предпринявших дискриминационные меры относительно России, сказались на результатах деятельности российских импортоориентированных отраслей [15].

Оценить отдельно влияние падения нефтяных цен, финансовых ограничений, бойкота импорта продовольственных товаров является весьма сложной задачей. Именно поэтому в основном оценки потенциальных следствий для российской экономики делаются с учетом совместных действий различных факторов. Так, Е. Тузова и Ф. Каюма [16], используя модель векторной авторегрессии, оценили влияние падения нефтяных цен и санкций на потенциал роста российской экономики. В соответствии с моделью сокращение

⁵ Власова Е., Чакаров И. Причиной сокращения ВВП России стала нефть, а не санкции // Ведомости. 26.10.2015.

экспортных поступлений должно было привести к росту цен на импорт, снижению потребительских расходов, государственных расходов и сбережений. Сохранение санкций при низких нефтяных ценах, исходя из модели, не должно было позволить российской экономике расти в 2016 и 2017 гг. От оценок на более длительную перспективу авторы отказались из-за сложностей прогноза поведения ВВП и его основных компонентов в условиях повышенной неопределенности. Сходные результаты получили А. Пестова, М. Мамонов [17], оценивавшие влияние внутренних и внешних шоков на российскую экономику с помощью байесовской модели векторной авторегрессии. При всех рассматриваемых сценариях в 2016–2017 гг. ожидалась рецессия и высокая инфляция.

Я. Миркин, оценивая риски, порождаемые совокупностью неблагоприятных внешних факторов, включая снижение сырьевых цен и введенные против российских корпораций финансовые ограничения, приходит к выводу, что если в краткосрочном периоде риски, порождаемые введенными западными странами мерами, относительно незначительны, то в долгосрочной перспективе негативные последствия будут нарастать [18]. К сходному выводу приходит В. Загашвили, который утверждает, что основные потери от санкций лежат в долгосрочном периоде за счет снижения инвестиций и утраты перспективы технологического развития [19].

При всех отличиях в используемых методах и количественных величинах потерь все исследователи едины в содержательной оценке последствий – дискриминационные меры в отношении России ведут к потере выпуска и снижению возможностей модернизации, в свою очередь, российский бойкот ведет к ускорению агроинфляции и снижению благосостояния населения. В той мере, в которой предпринимались попытки разделить потери от снижения цен на углеводородное сырье и от секторальных

ограничений, все отмечают, что спад обусловлен, прежде всего, падением цен и резкой девальвацией, а финансовые ограничения усилили последствия этих процессов. Однако основной массив работ строится на данных 2014–2015 гг. и не учитывает запустившихся процессов импортозамещения.

Кризис платежного баланса в России в 2014–2015 гг. Воздействие санкций и контрсанкций на структуру роста

В связи с украинскими событиями против Российской Федерации был предпринят ряд мер, носящих различную природу. Персональные ограничения на въезд в страны, объявившие о соответствующих мерах, распространялись на ряд чиновников, политиков и бизнесменов, были мерами политического характера и не ограничивали внешнеэкономические связи. Большой интерес представляют секторальные ограничения, введенные по политическим мотивам. Эмбарго распространялось на три сферы, связанные либо с отраслями, создающими конкурентные угрозы на внешних рынках (производство вооружений либо продукты и технологии двойного назначения, добыча углеводородов на шельфе и арктической зоне), либо с финансовым сектором, слабый уровень развития которого тормозил инвестиционный процесс, а основным каналом транслирования инвестиций в Российскую Федерацию оставались дешевые кредиты, полученные на глобальных рынках.

Секторы для ограничительных мер отвечают двум характеристикам – они оказывают минимальное обратное отрицательное значение для экономик, вводящих эмбарго, и в долгосрочной перспективе сдерживают наиболее конкурентоспособные отрасли российской экономики – ВПК и энергетику, а также снижают потенциал экономического развития. Соответственно, принимаемые меры становятся определенной формой нетарифных ограничений для экономического роста. Меры,

предпринятые Российской Федерацией в ответ на эмбарго, были асимметричными. Наша страна ввела бойкот на поставки сельскохозяйственной продукции из стран, поддержавших эмбарго, фактически закрыв внутренний рынок сельскохозяйственной продукции. Возможности поставок из прочих стран сохранились, но эта продукция ранее слабо была представлена на российском рынке в связи с ее низкой конкурентоспособностью. Целью введенных мер было создание преимущественных условий для внутренних производителей, а не экономические потери стран, вводивших эмбарго для России. Об этом, в частности, свидетельствует выбор товарных групп для бойкота. Очевидно, более болезненным для экономик ЕС был бы запрет на экспорт, например, автомобилей и вина. Однако главным пострадавшим в этом случае был бы российский потребитель, поскольку рассчитывать на сколько-нибудь быстрое импортозамещение в этих отраслях рассчитывать не приходилось.

Административный запрет на ввоз и реализацию продукции привел к разрыву сложившихся связей и открыл путь к прилавку сетевой торговли для российского производителя, включая малые и средние предприятия. Кроме того, глобальные корпорации вынуждены были расширять внутреннее производство вместо ввоза конечной продукции. Соответственно, при оценке результативности бойкота необходимо учитывать не потери бывших контрагентов от ограничений в доступе на рынки, а рост отраслей, защищенных протекционистским барьером. Дальнейшая оценка экономических последствий принятых мер будет направлена не на оценку и сопоставление потерь двух сторон от принятых эмбарго и бойкота – очевидно, что масштабы потерь будут обратно пропорциональны размерам экономики. Чем больше экономика, тем больше будут возможности заместить контрагента по сделкам, переместить выпуск на внутренний рынок, изменить структуру выпуска и т.д.

Сложность оценки последствий введенных ограничений для российской экономики заключается в том, что их введение совпало с сильным снижением мировых цен на углеводородное сырье, падением валютного курса и перестройкой платежного баланса. Ускорение роста цен на товары, попавшие в санкционный список, началось с момента запрета на импорт сельскохозяйственной продукции из стран, установивших секторальное эмбарго на торговлю с Российской Федерацией, однако последовавшая за этим обвальная девальвация рубля сделала менее очевидным сопоставление внутренних цен с докризисными. Снижение инвестиций, с одной стороны, вызвано ростом процентных ставок, что в определенной степени обусловлено ограничением доступа российских корпораций к мировому финансовому рынку, с другой стороны, объясняется спадом экономики, вызванным падением нефтяных цен, экспортных поступлений и приспособлением экономики к новому курсу и новым источникам поступлений в бюджет.

Пока что продолжительность взаимных ограничений достаточно невелика по времени, и можно увидеть только наиболее серьезно выраженные последствия, которые проявляются в макростатистике. Снижение выпуска в российской экономике, пережившей резкий девальвационный шок и вынужденной приспособливаться к новым курсовым соотношениям, бюджетным расходам, процентным ставкам, происходит крайне неравномерно.

В промышленности за два года кризиса (2015 и 2016) самый глубокий спад произошел в отраслях, связанных с инвестиционным циклом: металлургическое производство упало на 8,7%; производство машин и оборудования – на 7,7; производство электро-, электронного и оптического оборудования – на 8,8; производство транспортных средств и оборудования – на 11,2%. Среди секторов экономики наиболее чувствительный спад

наблюдался в торговле – 11,7%, строительстве – 6,1% и финансовом секторе – 5,2%. Все они зависят от потребительских расходов домохозяйств, изменений процентных ставок и доступности кредитных ресурсов.

В то же время особенностью прошедшего кризиса стало то, что ряд отраслей сохранили рост или даже ускорили его. Добывающая промышленность (+2,6%), столкнувшаяся со снижением мировых цен, сохранила объемы производства за счет стимулов, порожденных девальвацией, для химической промышленности (+11,9%) ситуация оказалась крайне благоприятной – рост курса рубля способствовал как увеличению экспорта, так и производства для внутреннего рынка. Сельское хозяйство (+7,1%) и производство пищевой продукции (+4,4%) устойчиво росли за счет защиты внутреннего рынка административными барьерами.

Динамика оборота розничной торговли, производства сельскохозяйственной продукции и продукции пищевой промышленности в 2014–2016 гг. серьезно отличалась от предшествующих периодов (рис. 1). Серьезное снижение торгового оборота сопровождается стабильным ростом производства и переработки сельскохозяйственной продукции. В этот период активно растет птицеводство и свиноводство, инвестиции в которые осуществлялись до начала кризиса, а возможности для расширения ранее ограничивались обострившейся после вступления России в ВТО конкуренцией. В настоящее время главной проблемой для этих подотраслей становится дефицит спроса, для преодоления которого предприятия ищут экспортные возможности. Общее сокращение импорта сельскохозяйственной продукции сопровождается изменением его географии и концентрации на одной-двух странах. Так, импорт мяса в I кв. 2016 г. составил 32,9% от показателя I кв. 2017 г., при этом если в 2013 г. Бразилия поставляла 35% всего импорта, а остальные страны – менее 10%, то в 2016 г.

на долю Бразилии и Белоруссии приходилось 68,4%. В 2016 г. две страны – Чили и Фарерские острова – поставляли в Россию 51,9% рыбы, доля Белоруссии в поставках сухого молока и сливок составила 88,9%, сыра и творога – 79,7%⁶. Такая концентрация импорта свидетельствует об активном перераспределении освобожденного рынка.

То, что изменения во внутреннем выпуске рассматриваемых отраслей обусловлены не только движением валютного курса, но и введенными административными барьерами подтверждает поведение доли импорта в товарных запасах розничной торговли (рис. 2). Вытеснение импорта из торговли продовольствием идет более быстрыми темпами, чем в прочих секторах потребительского спроса, за счет внутреннего производства. Повышение курса рубля в 2016 г. сопровождается быстрым ростом импорта в запасах розничной торговли, кроме торговли продовольствием, где доля импорта стабилизируется. Важную роль в успехе протекционистских мер сыграли институциональные факторы. Разрыв сложившихся хозяйственных связей заставил торговые сети обратить внимание на внутреннего производителя, несмотря на проблемы неустойчивого качества, стабильности поставок и т.д. При этом сложившаяся новая конфигурация поставок вряд ли будет утрачена при возвращении на рынок импортных продовольственных товаров в случае прекращения ограничительных мер, по крайней мере, этот процесс потребует определенного времени на восстановление прежних контактов.

Популярным тезисом было утверждение, что бойкот продовольственных товаров развитых стран заставил оплатить сельскохозяйственный рост население, и прежде всего его наименее обеспеченные слои, поскольку именно у них наибольшая доля расходов приходится на

⁶ Федеральная таможенная служба. URL: <http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:7:4392351993624876::NO::>

продовольствие. Как видно из *рис. 3*, это положение справедливо лишь отчасти. Периоды, когда цены на продовольствие существенно опережали общий рост потребительских цен, в России случались на протяжении всех 2000-х гг., и скачок цен на продовольствие после введения российского бойкота уступает темпам агроинфляции 2009 г. Однако важно отметить, что уже в 2016 г., несмотря на ослабление рубля, увеличение внутреннего выпуска сельхозпродукции привело к последовательному снижению темпов продовольственной инфляции. В долгосрочном периоде это должно привести к большей устойчивости внутренних цен к валютным шокам, появление которых в монопродуктовой сырьевой экономике неизбежно.

Снижение доли импорта шло преимущественно за счет роста внутреннего производства и потребления (*табл. 1*). Мука и крупы не включены в перечень, поскольку эти продукты практически не импортируются. Единственным провальным направлением в производстве сельскохозяйственной продукции является производство молока, которое сократилось за последние четыре года при растущем импорте. Во всех остальных случаях бойкот привел к росту внутреннего выпуска и сокращению зависимости от импорта.

В целом продовольственный бойкот позволил реализовать цели, которые ставились при его введении. По ряду позиций уже сейчас идет активное инвестирование (это, прежде всего, овощи закрытого грунта), и здесь вряд ли можно ждать открытия рынка при любых изменениях в геополитических отношениях. Как показал пример Турции, даже восстановление отношений не привело к снятию ограничений на продукты, в импортозамещение которых вложен серьезный капитал.

Оценивая тормозящий эффект введенного в отношении российской экономики эмбарго,

его необходимо рассматривать в общем контексте российского кризиса, вызванного резким падением нефтяных цен. Безусловно, ограничение доступа российских банков и корпораций реального сектора к рынкам капитала способствовало оттоку капитала и, соответственно, резкой и глубокой девальвации рубля. Отток капитала из российской экономики шел по двум основным направлениям — сокращению внешней задолженности российского бизнеса и скупки валюты населением. Внешняя задолженность российской экономики на 1 июля 2014 г. достигла своего максимума и составляла 732,8 млрд долл. США, на 1 января 2017 г. она сократилась до 513,5 млрд долл. США; вывоз капитала по годам представлен в *табл. 2*. Столь резкое снижение внешней задолженности было вызвано ограничением доступа к финансовым рынкам и возросшими рисками в условиях повышенной волатильности курса рубля. Слабость внутренней финансовой системы в сочетании с возрастающей неопределенностью привела к сокращению инвестиционной активности и углублению кризиса в российской экономике.

Ограничение доступа российских банков к мировому финансовому рынку происходило в июле–сентябре 2014 г.; в этот период спред между депозитными и кредитными ставками российской банковской системы начинает последовательно возрастать, что может служить косвенным свидетельством дефицита дешевых ресурсов.

Объем кредитов, предоставляемых банковской системой нефинансовому сектору, последовательно рос до 2013 г., дойдя до 2,61 раза по отношению к ВВП. Начиная с 2014 г. он сокращался, вернувшись к 2,2 раза по отношению к ВВП в 2016 г. В этот же период происходило перераспределение кредита в пользу обрабатывающей промышленности, доля которой в объеме выданных кредитов возрастала с 13,8% в среднем за 2011–2013 гг.

до 21,8% в среднем за 2014–2016 гг. Отраслями, теряющими кредитные ресурсы, стали торговля и строительство. Такое перераспределение ресурсов свидетельствует об изменении спроса на кредиты в связи с начавшимся кризисом, падении доходов населения и изменении его потребительского поведения. Отделить сколько-нибудь точно эффект финансовых ограничений от эффекта девальвации и кризиса, как уже отмечалось ранее, не представляется возможным. Очевидно, что санкции способствовали углублению негативных процессов, начавшихся примерно в то же время и имеющих иную природу. Возможность проверки чистого эффекта финансовых ограничений может появиться в случае принятия Конгрессом США нового пакета антироссийских мер.

Вторым направлением секторальных санкций, введенных против России, является эмбарго на поставку оборудования, передачу технологий в каких-либо формах, участие в совместных проектах по разработке глубоководных участков, арктических шельфовых месторождений и технологий гидроразрыва пласта. В долгосрочном периоде это может стать достаточно болезненной мерой для российской экономики, которая в любом случае сохранит высокую чувствительность к развитию нефтегазовой отрасли. Перспективы сохранения позиций на мировом энергетическом рынке для России связаны именно с этими направлениями, и снижение потенциала добычи углеводородов будет вести к сокращению российской доли мирового энергетического рынка. Вместе с тем в текущем периоде при складывающихся нефтяных ценах развитие этих направлений ограничивается рентабельностью и консервируется до лучших времен.

Наиболее очевидное в краткосрочном периоде негативное воздействие на рост российской экономики должны были оказать ограничения на ввоз оборудования, компонентов,

элементной базы и т.д., имеющих двойное назначение. Эти меры сказались на продукции ВПК и ее конкурентоспособности на мировых рынках, а также затронули гражданское машиностроение. В то же время выраженного макроэкономического эффекта эти ограничения пока не вызвали.

Анализ таможенной статистики по импорту инвестиционных товаров показал, что при всех отличиях в динамике импорта по отдельным товарным группам доля импорта инвестиционных товаров из стран, поддерживавших эмбарго (за исключением Украины), не имеет отчетливой тенденции к снижению, также не происходит перемещения спроса от развитых стран запада к странам Востока, не вошедших в число поддерживавших эмбарго. Падение импорта началось в IV кв. 2014 г. – I кв. 2015 г., что было обусловлено не столько санкциями, сколько резкой девальвацией рубля. Снижение в российском импорте доли стран, поддерживавших эмбарго, было обусловлено прежде всего тем, что по отношению к твердым валютам рубль упал наиболее значительно, и российские предприятия были вынуждены переориентироваться на страны, чья валюта меньше укрепилась к рублю. Укрепление рубля в 2016 г. при существенном снижении его волатильности привело к восстановлению импорта инвестиционных товаров из развитых стран. Данный процесс хорошо иллюстрирует импорт металлорежущих станков (*рис. 4*).

Как видно из графика, представленного на *рис. 4*, волатильность доли импорта металлорежущего оборудования, импортируемого из стран, поддерживавших эмбарго, заметно ниже, чем волатильность абсолютных объемов импорта, и оба показателя с лагом примерно в один квартал реагируют на изменение валютного курса.

Воздействие санкционного режима определяется не только, а возможно не столько формально установленными мерами, сколько

неопределенностью и возрастающими рисками для инвестиций и совместных проектов. Таможенная статистика показывает, что воздействие установленных ограничений на торговые операции не проявляет себя на уровне макроэкономики, и колебания курсов имеют более существенное влияние на объемы и направления торговли. Это, впрочем, не означает, что существующие ограничения не наносят значимого ущерба для отдельных отраслей, столкнувшихся с ограничениями на импортные поставки, трудно поддающиеся замещению внутренним производством.

Импортзамещение и импортозависимость

Уже в 2008 г. стало ясно, что сильная зависимость экономики страны, включая важнейшие компоненты потребления домохозяйств (продовольствие, лекарства, одежду и обувь), от мирового рынка, при том, что основные статьи экспорта определяются внешней конъюнктурой, делает экономику страны крайне неустойчивой к любым внешним шокам. Кризис 2015–2016 гг. оказался в этом отношении еще более чувствительным. Растущая роль импорта при неблагоприятных условиях для создания конкурентоспособной продукции внутри страны (высокие процентные ставки и трансформационные издержки, отсутствие привычки к предпочтению продукции национальных производителей) снижала устойчивость экономики. Установление дискриминационных ограничений окончательно показало, что мировой рынок нельзя рассматривать как абсолютно независимую, политически нейтральную систему, позволяющую специализированной национальной экономике стабильно функционировать. Соответственно, импортзамещение, как стратегическая цель развития российской экономики, была сформулирована в 2015 г., когда была создана соответствующая правительственная комиссия.

Процесс импортзамещения оказался достаточно заметен только в тех отраслях

и сферах экономики, где он поддерживался административными ограничениями на импорт с российской стороны (сельское хозяйство и пищевая промышленность) или на экспорт со стороны торговых партнеров (ВПК, технологии бурения на арктическом шельфе или гидроразрыва пласта). В определенных секторах он проявил себя в момент резкого ослабления рубля и изменения относительных цен, сойдя на нет после снижения и стабилизации валютных курсов. При этом необходимо отметить, что имеющийся богатый опыт импортозамещения в развивающихся странах в 1960–1970-е гг. в целом показал низкую эффективность этой стратегии. В той мере, в которой расширялось внутреннее производство импортных аналогов, возрастал импорт технологий, оборудования, сырья, необходимого для организации внутреннего производства. Соответственно, не решалась ни одна из проблем в результате серьезных усилий, прилагаемых к замещению импорта внутренним производством, однако при этом возрастала импортозависимость.

В России попытка импортзамещения протекает по сходному сценарию. Создание конкурентоспособной на внутреннем рынке продукции быстрее всего можно осуществлять за счет импорта сырья, комплектующих, материалов, обеспечивающих требуемое качество конечного товара. Результатом может стать сокращение производственных цепочек в процессе создания конечного продукта, зачастую имеющих большую технологическую сложность и добавленную стоимость, нежели производство конечного товара или услуги. Так, например, переход российских авиакомпаний на самолеты иностранного производства улучшил качество конечной услуги, лишив российский авиапром крупного сегмента рынка и понизив его конкурентоспособность на мировом авиарынке. Результатом стало снижение производимой национальной экономикой добавленной стоимости. Аналогичные действия руководства АвтоВАЗа по

повышению качества автомобилей за счет снижения доли комплектующих, производимых российскими предприятиями, и соответствующим понижением локализации производства поставили предприятие на грань банкротства в результате глубокой девальвации рубля.

Заметный успех в увеличении доли российской продукции на внутреннем рынке продемонстрировали сельское хозяйство и пищевая промышленность, но и здесь ключевые технологии и материалы остались импортными. Наиболее науко- и капиталоемкие компоненты – семена, средства защиты растений, ферменты, кормовые добавки и т.д. – остаются по-прежнему иностранными. Импортозамещение должно вести к росту добавленной стоимости, производимой в национальной экономике, которое, соответственно, требует широкого участия в международной кооперации, активного инвестирования внутри национальной экономики в целях создания новых производств, способных конкурировать на внешних рынках. Текущая версия импортозамещения, которая идет под прикрытием протекционистских мер, носит своего рода мобилизационный характер. Закрепление успеха в долгосрочной перспективе требует масштабных инвестиций – прежде всего со стороны частного капитала с последующим открытием рынков, усилением конкуренции и внешней экспансией.

Выводы

На основании изложенного можно сделать ряд выводов.

1. Инициаторы дискриминационных мер ставят своей целью получение собственных выгод, более того, чужой ущерб интересен именно тогда, когда это является определенной компонентой собственных выгод. Эмбарго и бойкот могут выступать формой конкуренции, обеспечивающей некоторые выгоды для инициаторов в долгосрочном периоде за счет изменения предложения на мировой рынок или за счет создания протекционистской защиты внутреннего рынка.

2. Ответный российский бойкот позволил стимулировать рост отраслей, защищенных протекционистским барьером, и подготовить условия для торгов по отмене бойкота в обмен на снятие чувствительных для российской экономики ограничений.

3. Бойкот оказался эффективнее эмбарго в краткосрочном периоде, создав условия для роста выбранных для протекционистской защиты отраслей, а обеспечение эмбарго, применительно к крупной открытой экономике является достаточно сложным. Опять же, в долгосрочном периоде бойкот ограничивает конкурентоспособность защищаемых отраслей, в то время как эмбарго затрудняет развитие соответствующих отраслей, в долгосрочном периоде замедляя потенциал их роста и увеличивая издержки.

4. Введенные секторальные санкции оказались малозначимыми в краткосрочном периоде и существенно перекрыты потерями от падения нефтяных цен, но они становятся проблемой с точки зрения долгосрочного роста и, прежде всего, инвестиционного подъема.

Таблица 1

Изменение объемов производства и импорта некоторых видов продовольственной продукции (I–III кв. 2012–2017 гг.)

Table 1

Changes in the volume of production and import of some agricultural products, Q1–Q3 2012–2017

Вид продовольственной продукции	Прирост выпуска, %	Доля импорта в ресурсах III кв. 2016 г., %	Изменение доли импорта в ресурсах в 2012–2016 гг., п.п.
Говядина (включая субпродукты)	25,6	39,8	–21,4
Свинина (включая субпродукты)	94,2	9,5	–21,2
Мясо птицы (включая субпродукты)	34,8	5,6	–8,7
Масло животное	6,8	26,2	–1,3
Сыры	31,2	23,8	–22,6
Молоко и сливки сухие	–7,49	61,2	21,4
Растительное масло	14,5	21,8	3,6

Источник: данные Росстата

Source: Rosstat

Таблица 2

Изменение условий финансирования инвестиций в Российской Федерации в 2012–2016 гг.

Table 2

Changes in terms of investment financing in the Russian Federation, 2012–2016

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016
Прирост (сокращение) внешнего долга России, млрд долл. США	97,54	92,44	–128,96	–80,8	–5,62
Спред между процентными ставками по кредитам и депозитам, %	...	2,93	4,4	6,06	5,33
Отношение кредитов нефинансовому сектору к ВВП	2,44	2,61	2,57	2,19	2,2
Инвестиции в основной капитал, % ВВП	18,8	18,9	17,6	16,7	17
ПИИ, млрд долл. США	50,59	69,22	22,03	6,85	32,98

Источник: данные Росстата и Банка России

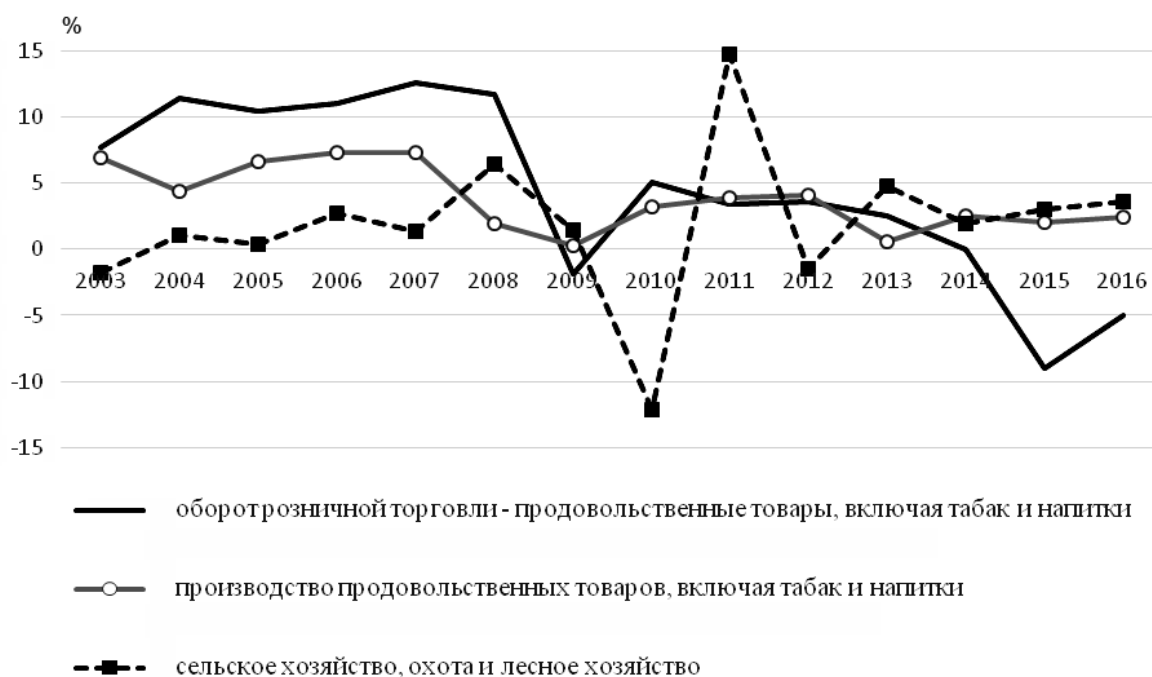
Source: Rosstat and Bank of Russia

Рисунок 1

Индекс роста оборота розничной торговли продовольствием, производства продовольственных товаров, % к предыдущему году

Figure 1

Index of growth in food retail, food production, percentage points year-on-year

Источник: данные Росстата

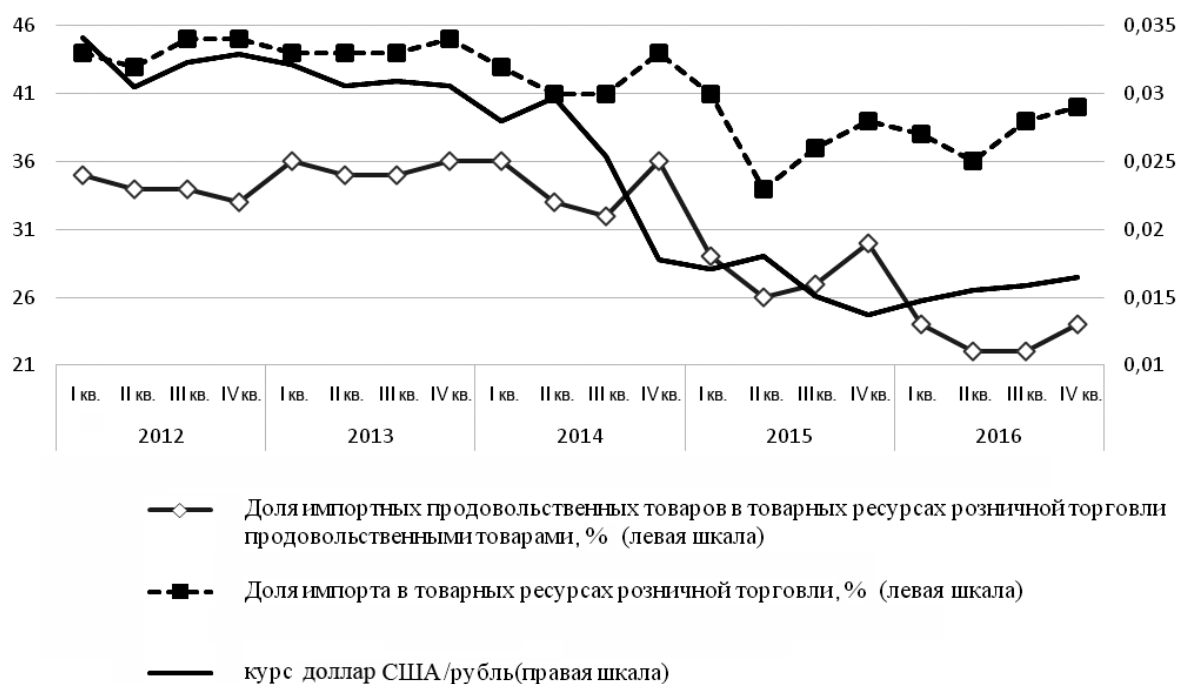
Source: Rosstat

Рисунок 2

Доля импорта в запасах розничной торговли и курс доллара к рублю

Figure 2

Percentage of import out of retail stocks and USD/RUB exchange rate

Источник: данные Росстата и Банка России

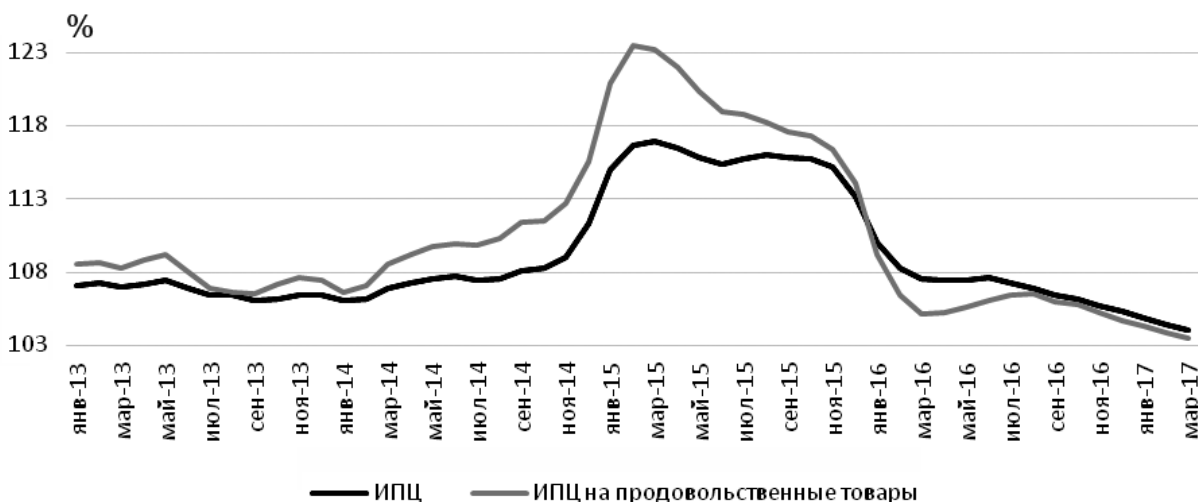
Source: Rosstat and Bank of Russia

Рисунок 3

Индекс потребительских цен на товары и услуги и индекс потребительских цен на продовольственные товары

Figure 3

Consumer Price Index for goods and services and Consumer Price Index for food products

Источник: данные Росстата

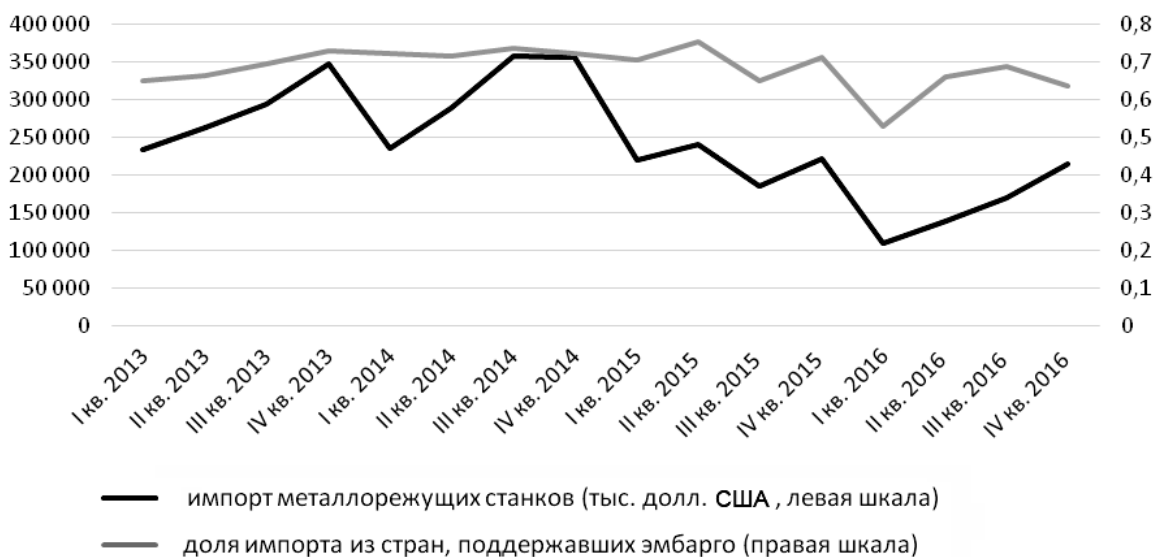
Source: Rosstat

Рисунок 4

Российский импорт металлорежущих станков в 2013–2016 гг.

Figure 4

The Russian import of metal cutting machines, 2013–2016

Источник: Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации. URL: <http://stat.customs.ru>

Source: Customs statistics on foreign trade of the Russian Federation. URL: <http://stat.customs.ru>

Список литературы

1. *Hufbauer G., Schott J., Elliott K., Oegg B.* Economic Sanctions Reconsidered. 3rd ed., Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2007. 233 p.
2. *Hart A.* Democracy and the successful use of economic sanctions // *Political Research Quarterly*. 2000. Vol. 53. Iss. 2. P. 267–284. URL: <https://doi.org/10.1177/106591290005300203>
3. *Klinova M., Sidorova E.* Economic Sanctions and Their Impact on Russian Economic Relations with the European Union // *Problems of Economic Transition*. 2016. Vol. 58. Iss. 3. P. 218–234. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/10611991.2016.1200391>
4. *Shin G., Choi S., Luo S.* Do economic sanctions impair target economies? // *International Political Science Review*. 2016. Vol. 37. Iss. 4. P. 485–499. URL: <https://doi.org/10.1177/0192512115590203>
5. *Oja K.* No milk for the bear: the impact on the Baltic States of Russia's counter-sanctions // *Baltic Journal of Economics*. 2015. Vol. 15. Iss. 1. P. 38–49. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/1406099X.2015.1072385>
6. *Calamita Jansen N.* Sanctions, Countermeasures, and the Iranian Nuclear Issue // *Vanderbilt Journal of Transnational Law*. 2009. Vol. 42. Iss. 5. P. 1393–1442.
7. *Кожеев Я.С.* Война «санкций» и право международной ответственности // *Российский юридический журнал*. 2015. № 2. С. 179–182.
8. *Лукашук И.И.* Право международной ответственности // *Международное публичное и частное право*. 2002. № 2. С. 30–43.
9. *Tzanakopoulos A.* Disobeying the Security Council: Countermeasures Against Wrongful Sanctions. Oxford: OUP, 2011. 310 p.
10. *Vitzthum W.G.* Völkerrecht. Berlin: Walter de Gruyter, 2013. 686 p.
11. *Giumelli F.* Understanding United Nations targeted sanctions: an empirical analysis // *International Affairs*. 2015. Vol. 91. Iss. 6. P. 1351–1368. URL: <https://doi.org/10.1111/1468-2346.12448>
12. *Гурвич Е., Прилепский И.* Влияние финансовых санкций на российскую экономику // *Вопросы экономики*. 2016. № 1. С. 5–35.
13. *Бородин К.* Влияние эмбарго и санкций на агропродовольственные рынки России: анализ последствий // *Вопросы экономики*. 2016. № 4. С. 124–143.
14. *Нуреев Р.М., Петраков П.К.* Рядовой потребитель: бремя экономических санкций против России // *Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики)*. 2015. Т. 6. № 3. С. 40–60. URL: <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2015.6.3.040-060>
15. *Фёдорова Е., Федотова М., Николаев А.* Оценка влияния санкций на результаты деятельности российских компаний // *Вопросы экономики*. 2016. № 3. С. 34–45.
16. *Tuzova E., Qayum F.* Global oil glut and sanctions: The impact on Putin's Russia // *Energy Policy*. 2016. Vol. 90. P. 140–151. URL: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2015.12.008>

17. *Пестова А., Мамонов М.* Оценка влияния различных шоков на динамику макроэкономических показателей в России и разработка условных прогнозов на основе BVAR-модели российской экономики // *Экономическая политика*. 2016. Т. 11. № 4. С. 56–92.
18. *Миркин Я.М.* Влияние санкций на финансовые риски российской экономики // *Банковские услуги*. 2015. № 8. С. 17–24.
19. *Загашвили В.* Западные санкции и российская экономика // *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. № 11. С. 67–77.

Информация о конфликте интересов

Мы, авторы данной статьи, со всей ответственностью заявляем о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

SANCTIONS AND COUNTER-SANCTIONS: THE USE OF POLITICAL TOOLS FOR ECONOMIC PURPOSES**Aleksandr N. LYAKIN^{a,*}, Mikhail I. ROGOV^b**^a Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation
a.lyakin@spbu.ru^b Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation
mikhail.i.rogov@gmail.com

* Corresponding author

Article history:

Received 26 June 2017

Received in revised form

19 July 2017

Accepted 11 August 2017

Available online

29 August 2017

JEL classification: E61, E65,
F51, F52, F62**Keywords:** embargo, boycott,
protectionism, Russian
economy, sanctions**Abstract****Importance** This article reviews discriminatory measures of the Western countries against Russia and Russia's reciprocal response as protectionism for attaining economic goals of the countries initiating the restrictions.**Objectives** The research specifies the existing terminology, demonstrate that sanctions can be imposed only by the supranational organization that has respective authority in relation to its members. We also analyze benefits and losses of the discriminatory measures.**Methods** Embargo and financial restrictions against Russia are viewed as extreme forms of the competition among national economies. We suggest evaluating the effectiveness of commodity and capital restrictions by comparing benefits and losses from them for the national economy, rather than the assessment of losses for counterparties. We applied methods of logic and statistical analysis, including graphic visualization.**Results** Having analyzed the outcome of Russia's protectionist measures to restrict the competition in agriculture, we found that sectors with a short pay-back period saw a rapid growth in production, and replaced imported goods. Sectors that need substantial investment rearranged the geography of supplies.**Conclusions and Relevance** In the short run, the boycott appears more effective than embargo, since it pushes a growth in industries covered with a protectionist shield, while the embargo can be circumvented with a variety of trading ties in the global economy. In the long run, the boycott will not have an adverse effect on the competitiveness of the protected sectors, while the embargo impedes an economic growth and effective development of the sectors suffering the restrictions.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2017

Please cite this article as: Lyakin A.N., Rogov M.I. Sanctions and Counter-Sanctions: The Use of Political Tools for Economic Purposes. *National Interests: Priorities and Security*, 2017, vol. 13, iss. 8, pp. 1396–1414.
<https://doi.org/10.24891/ni.13.8.1396>**References**

1. Hufbauer G., Schott J., Elliott K., Oegg B. *Economic Sanctions Reconsidered*. 3rd ed., Washington, DC, Peterson Institute for International Economics, 2007, 233 p.
2. Hart A. Democracy and the Successful Use of Economic Sanctions. *Political Research Quarterly*, 2000, vol. 53, iss. 2, pp. 267–284. URL: <https://doi.org/10.1177/106591290005300203>
3. Klinova M., Sidorova E. Economic Sanctions and Their Impact on Russian Economic Relations with the European Union. *Problems of Economic Transition*, 2016, vol. 58, iss. 3, pp. 218–234. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/10611991.2016.1200391>
4. Shin G., Choi S., Luo S. Do Economic Sanctions Impair Target Economies? *International Political Science Review*, 2016, vol. 37, iss. 4, pp. 485–499. URL: <https://doi.org/10.1177/0192512115590203>

5. Oja K. No Milk for the Bear: The Impact on the Baltic States of Russia's Counter-Sanctions. *Baltic Journal of Economics*, 2015, vol. 15, iss. 1, pp. 38–49.
URL: <http://dx.doi.org/10.1080/1406099X.2015.1072385>
6. Calamita Jansen N. Sanctions, Countermeasures, and the Iranian Nuclear Issue. *Vanderbilt Journal of Transnational Law*, 2009, vol. 42, iss. 5, pp. 1393–1442.
7. Kozheurov Ya.S. [The war of 'sanctions' and the law of international responsibility]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*=*Russian Juridical Journal*, 2015, no. 2, pp. 179–182. (In Russ.)
8. Lukashuk I.I. [Law of international responsibility]. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo* = *Public International and Public International Law*, 2002, no. 2, pp. 30–43. (In Russ.)
9. Tzanakopoulos A. *Disobeying the Security Council: Countermeasures Against Wrongful Sanctions*. Oxford, OUP, 2011, 310 p.
10. Vitzthum W.G. *Völkerrecht*. Berlin, Walter de Gruyter, 2013, 686 p.
11. Giumelli F. Understanding United Nations Targeted Sanctions: An Empirical Analysis. *International Affairs*, 2015, vol. 91, iss. 6, pp. 1351–1368.
URL: <https://doi.org/10.1111/1468-2346.12448>
12. Gurvich E., Prilepskii I. [The impact of financial sanctions on the Russian economy]. *Voprosy Ekonomiki*, 2016, no. 1, pp. 5–35. (In Russ.)
13. Borodin K. [The impact of the embargo and sanctions on the agri-food markets in Russia: Analysis of consequences]. *Voprosy Ekonomiki*, 2016, no. 4, pp. 124–143. (In Russ.)
14. Nureev R.M., Petrakov P.K. [The ordinary consumer: the burden of economic sanctions against Russia]. *Journal of Economic Regulation*, 2015, vol. 6, iss. 3, pp. 40–60.
URL: <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2015.6.3.040-060> (In Russ.)
15. Fedorova E., Fedotova M., Nikolaev A. [Assessing the impact of sanctions on Russian companies performance]. *Voprosy Ekonomiki*, 2016, no. 3, pp. 34–45. (In Russ.)
16. Tuzova E., Qayum F. Global Oil Glut and Sanctions: The Impact on Putin's Russia. *Energy Policy*, 2016, vol. 90, pp. 140–151. URL: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2015.12.008>
17. Pestova A., Mamonov M. [Estimating the influence of different shocks on macroeconomic indicators and developing conditional forecasts on the basis of BVAR model for the Russian economy]. *Ekonomicheskaya politika* = *Economic Policy*, 2016, vol. 11, iss. 4, pp. 56–92. (In Russ.)
18. Mirkin Ya.M. [Influence of sanctions on financial risks of the Russian economy]. *Bankovskie uslugi* = *Banking Services*, 2015, no. 8, pp. 17–24. (In Russ.)
19. Zagashvili V.S. [Western sanctions and Russian economy]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* = *World Economy and International Relations*, 2015, no. 11, pp. 67–77. (In Russ.)

Conflict-of-interest notification

We, the authors of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.